ПРЕДИСЛОВИЕ

Сотвори себе кумира

Кажется, это было только что. 25 июля 2014 года, идеальная погода, безоблачное настроение. Ты, как в детстве, не идешь, а почти вприпрыжку летишь от метро «Спортивная» в «Лужники». На футбол.

Только этот футбол — не официально-многотысячный, не оглушенный ненавистью к сопернику и жаждой победы любой ценой. Это футбол добрых лиц и светлых улыбок, и каждый, кто идет на него в Детский городок, чувствует себя заведомо счастливым.

Потому что это — 55-летие Федора Черенкова.

Сам он, правда, на поле не выходит. Как жаль! Уж один-то гениальный «черпачок», от которого ахнет публика, всегда бы отдал. Или между ногами мячик кому-нибудь пробросил. Или выдал бы еще какой-нибудь фокус из кунцевского двора — он их десятками когда-то перенес в большой футбол. Чем и влюблял в себя взрослых, серьезных за пределами стадиона мужчин. Потому что на 90 минут делал их детьми.

И вдруг в юбилей он не только не играет, но и уходит от объяснений почему. Заставляет теряться в догадках, среди которых здоровье, увы, в числе первых. Чтобы Черенков, для которого мяч — божество, не хотел играть в футбол? Ой, нехорошо все это.

Но мысль тревожная быстро рассеивается — выглядит-то юбиляр бодро. Стоически, более часа, раздает автографы. Улыбается каждому своей, как всегда, стеснительной улыбкой. Разве что упрятанной в густую бороду, с которой Федор выглядит как-то иначе.

Потом — банкет в ресторане-корабле «Ласточка» на Москве-реке. В какой-то момент, расчувствовавшись, ты обнимаешь его. Вручаешь распечатку написанной к юби-

лею статьи «Волшебная страна Черенковия» и в сотый, наверное, раз в жизни повторяешь ему: «Федя, я на тебе вырос. Спасибо, что ты есть».

А в ответ слышишь библейское, но в то же время и абсолютно черенковское: «Не сотвори себе кумира».

Прости, Федор. Сотворили. И дай бог, чтобы у каждого человека и каждого поколения были такие кумиры, как ты.

И было так хорошо, что вот он рядом — божий, святой, светлый человек откуда угодно, но только не из циничного XXI века. И дома тебе говорят, что таким просветленным, каким ты пришел домой в тот день, тебя не видели уже очень давно.

...И вдруг его нет. Думая об этом, ты идешь по улице, вроде бы тепло укутанный. Но колотит озноб. Озноб безвозвратного одиночества, о котором исчерпывающе сказал поэт: «Опустела без тебя Земля».

Идешь — и у тебя не укладывается в голове, как можно жить, зная, что на этой Земле больше нет Федора Черенкова. Как-то, наверное, можно. Но сколько же доброты и света потерял каждый из нас с его уходом. И их уже никак и никогда не вернуть.

* * *

Федя в «Спартаке» себя нашел,
И пришел со «Спартаком» к победе.
Феде и без сборной хорошо.
Ну а сборной — не всегда без Феди!

Этот экспромт, поразмыслив всего несколько секунд, выдал в ответ на просьбу прокомментировать выступление сборной СССР на чемпионате мира 1990 года в Италии знаменитый поэт-песенник и яростный болельщик «Спартака» Игорь Шаферан. Лучше выразить чувства миллионов людей было невозможно — и еженедельник «Собеседник», с которым тогда сотрудничал один из нас, счастлив был это четверостишие от мэтра опубликовать...

Какая же это все-таки чудовищная несправедливость, что Федор Черенков ни разу не сыграл на чемпионатах мира и Европы. Что его там не увидели и не оценили. В 82, 86, 90-м... Нашего любимого футболиста всех времен и народов уже давно нет в живых — а то горькое юношеское чувство, когда хотелось плакать от бессильного отчаяния, никуда не делось. Не забылась и тогдашняя болельщицкая обида на

Валерия Лобановского: ну как же так было можно? Хотя мы тогда многого, очень многого не знали.

Черенков забивал на «Маракане» Бразилии, забивал Франции с Платини и Жирессом, забивал в четырех матчах подряд на Московской Олимпиаде-80, забивал кучу важных голов в еврокубках, включая легендарный решающий мяч в Бирмингеме «Астон Вилле» в концовке игры. А уж сколько — и как! — отдавал...

Но в мире его, за исключением специалистов совсем уж глубинного бурения и особо памятливых болельщиков, не знают. Страшно обидно. Но поступим по-черенковски и во всем будем искать хорошее. Пусть знание о том, каким великим мастером был Черенков, останется для нас чем-то своим, сокровенным. Тем, чего не поймут другие (как никому со стороны не дано до конца понять русскую душу). Но в чем на 100 процентов убеждены мы сами. И при чьем-то недоуменном пожатии плечами мы лишь усмехнемся, потому что твердо знаем, что это так и только так.

Счастьем видеть Черенкова на поле так хотелось поделиться со всем миром — а не судьба. Когда в 94-м он объявит о завершении карьеры игрока, Николай Старостин, 92-летний основатель «Спартака», в такой парадоксальной форме поделится мыслями на этот счет: «Хорошему человеку всегда не везет...»

Черенков был не просто хорошим, а светлым человеком. Не от сего мира, который мы видим вокруг себя во втором десятилетии XXI века. Ну посудите сами, кто еще свое отношение к материальным благам сформулирует так: «С детства врезалась в память притча. Сидит богач на мешке с деньгами. Думает: “Куда этот рубль деть? Куда тот?” Слышит — кузнец молотком стучит и песни распевает. Удивился: “Я, такой богатый, молчу. А этот нищий кузнец поет и поет. Дам ему денег”. Дал. Кузнец приуныл. Задумался, на что их можно потратить. Перестал петь».

Кто хоть чуть-чуть знал Черенкова, подтвердит: в этом ответе нет ни капли позерства. Он действительно был такой. «Золотой человек», по выражению Андрея Тихонова, которому повезло пожить с ним в одном номере на базе в Тарасовке в 1993 году — последнем для Федора и первом для Андрея в основном составе «Спартака».

Тремя годами раньше капитан красно-белых Черенков вывел команду на весенний матч в Одессе против местного «Черноморца». Это была вторая игра за красно-белых скромного тогда 21-летнего новичка из воронежского

«Факела» Валерия Карпина. «Спартак» проиграл 0:1, и единственный гол был забит из-под дебютанта, которого после игры охватил приступ отчаяния. «Честно говоря, я даже расплакался после матча, — расскажет много лет спустя Карпин. — И тут Федор Черенков, добрая душа, подошел и сказал: “Не плачь, Валера, знаю, что ты нам еще поможешь”. Представляете, что для меня значили эти слова?!»

Вот типичный монолог Черенкова, который после окончания карьеры футболиста жил очень скромно: «В жизни меня все устраивает, всего хватает. Стараюсь работать над собой, избавляться от грехов — к примеру, уныния. Хотя вот пост соблюдать не могу. Наверное, слабохарактерен. Надо бороться с чревоугодием, но до конца не получается...»

Покажите нам еще одного идола миллионов, который всерьез назовет себя слабохарактерным.

И который окажется способен вот на какое признание.

Летом 1987 года в матче «Спартак» — «Днепр» после падения Черенкова в чужой штрафной был назначен, мягко говоря, спорный пенальти в ворота гостей, с которого Федор забил свой сотый гол в карьере и вошел в «Клуб Григория Федотова». Спустя 23 года он скажет одному из нас: «Много лет меня мучила совесть из-за сотого гола».

Многие ли люди в нынешнем футболе знают слово «совесть»? Многие ли способны — нет, не сказать так, а даже подумать?

Зато какого греха, куда большего, чем уныние или чревоугодие, у Черенкова точно не было — это зависти. Фрагмент из той же беседы конца «нулевых»: «Знаете, что мне сегодня не нравится? Когда футболистов обвиняют в том, что они много зарабатывают. Разве люди, которые могут заниматься своей профессией всего 10—15 лет, виноваты, что во всем мире люди футбола получают больше, чем представители других специальностей? И психологическое давление на них больше, чем на наше поколение».

И это было сказано в сытые времена, когда девятнадцатидвадцатилетние юнцы, ничего еще футболу не отдавшие, благодаря какой-то жуткой извращенной конъюнктуре уже по полной от него берут. Миллионы евро, спортивные автомобили, частные самолеты. За год эти юнцы зарабатывают больше, чем Федор за всю жизнь. Хотя, с другой стороны, их-то что в том винить — не они же сами себе платят...

Черенков, на котором выросли поколения и который при этом не заработал на жизнь ни-че-го, ни разу в жизни

по этому поводу не озлобился. У него, божьего человека, была чистая душа. Он просто радовался за тех, кому хорошо. Не задаваясь вопросами — почему, за что, заслужили ли они это.

* * *

«Феденька, как же ты здорово с двумя разобрался и Сереге пас голевой отдал!»

Эдгар Гесс, казалось, был готов расцеловать Черенкова. Это было 13 июня 2007 года, когда по случаю 50-летнего юбилея Рината Дасаева в «Лужниках» был организован матч сборных звезд СССР и ФИФА.

Скромный любимец красно-белой торсиды от такого комплимента, как всегда, смутился, даже слегка покраснел. И тихо ответил специально приехавшему из Германии на эту игру Гессу, как двадцатью годами ранее: «Да что ты, я ошибался много...»

Прав Гесс — как же это было красиво, когда Черенков в центре поля удивительным финтом оставил в дураках Абеди Пеле с Ули Штилике, сыграл в «стенку» с Валерием Гладилиным и вывел один на один с Андони Субисарретой Сергея Родионова! Конечно, любимый партнер и лучший друг Федора не мог испортить этот шедевр.

В этой миниатюре, которая развернулась перед нашими глазами, прекрасно и характерно для Черенкова всё — и сам игровой эпизод, и реакция на него главного героя.

Его скромность вошла в легенды. На панихиде по Черенкову в спартаковском манеже на Оленьем Валу один из нас услышал такую историю. В 2009-м проходила юбилейная предновогодняя встреча спартаковских ветеранов. Большинство подъезжало — или их подвозили — на машинах, и чем моложе футболисты — тем более недурных. И вдруг откуда-то из кустов, очень скромно одетый и явно продрогший, вышел Черенков. Кто увидел — изумился: «Федя, тебя никто подвезти не мог?!»

Тот, как всегда, махнул рукой: «Да зачем? Сам дойду...»

Вот так он и жил.

Он, кстати, и официозного обращения по имени-отчеству не очень любил — даже после пятидесяти. «Ничего плохого не вижу, когда незнакомые люди называют меня просто Федей, — рассказывал он. — Гораздо настороженнее воспринимаю, когда ко мне обращаются: “Федор Федорович”. Внутренне я не чувствую себя стариком! Хотя,

когда смотрю в зеркало, вижу, что годы берут свое. Но гораздо спокойнее и приятнее, когда меня окликают просто по имени».

Так вот насчет легенд, которые липли к Федору с фантастической охотой. Рассказывали, например, что сдавал Черенков очередной экзамен в Горном институте (учеба в котором тоже отличала его от остальных), а профессор понятия не имел, с кем ведет беседу. Черенков, который выставлять себя напоказ и требовать особых благ не умел, хорошо сдал этот экзамен на общих основаниях. Профессору потом объяснили, какая знаменитость сидела перед ним.

Тот не поверил. Пришлось повести его на футбол. Посмотрел профессор на поле и ошеломленно воскликнул: «Да это студент Черенков!» На что откликнулся сидевший рядом болельщик: «Сам ты, дяденька, студент, а Черенков — профессор!»

Правда ли это? Конечно, нет. Но, как потрясающе выразился однажды в подобном случае, только про себя, Эдуард Стрельцов: «Это не правда. Это быль». И точно — когда один из нас после смерти Федора попросил в социальных сетях людей вспомнить СВОЕГО Черенкова, вскоре получил письмо от болельщика Олега Скворцова: «Учились с Черенковым в одном вузе. Преподаватели приводили его в пример — экзамены сдавал, не пользуясь своим статусом и известностью».

У таких героев, как Черенков, поразительно скромны и поклонники. В конце 2007 года один из нас участвовал в беседе с Черенковым в редакции газеты «Спорт-экспресс». Удивительная аура его личности передалась не только журналистам, но и читателям. Говорилось в интервью и о том, что Черенков ездит на общественном транспорте. Позже знакомый болельщик делился подробностями того, как он провел незабываемые полчаса в забитом автобусе, тряссшемся от станции метро «Киевская» к малогабаритной черенковской двушке в Кунцеве.

Интервью не осталось незамеченным. Вскоре промелькнула информация, что некий обеспеченный человек хочет подарить Черенкову машину. И это произошло. Имени и фамилии дарителя не удалось разыскать ни в одном издании. Поступок, который при желании мог принести этому человеку немало дивидендов с точки зрения известности, был осуществлен в высшей степени скромно. И это в наши-то времена воинственного пиара!

Один из нас решил разыскать этого человека, потому что страна должна знать своих истинных героев. И не смог! Ни телефона, ни фамилии его не осталось ни у кого, кто имел отношение к процедуре передачи машины. Никаких тебе совместных снимков на фоне автомобиля, никаких «случайно оказавшихся» там телекамер. В XXI веке в такое невозможно поверить. Единственное, что удалось тогда выяснить: машина, обладателем которой стал Черенков, — «десятка» «жигулей». В числе, совпавшем с игровым номером Мастера, трудно было не усмотреть символа.

Спустя время, когда один из авторов этой книги Игорь Рабинер приехал на стадион имени Игоря Нетто делать интервью с Черенковым для другой книги, «Спартаковские исповеди», Федор прибыл туда на этой самой «десятке». И после беседы предложил журналисту подвезти его до Преображенки. Тот с гордостью согласился.

* * *

Для легендарного вратаря и футбольного комментатора Владимира Маслаченко неоспоримых авторитетов не существовало. Кумиров он себе не творил. Но однажды сказал: «По индивидуальному мастерству я на первое место среди спартаковцев всех времен ставлю Федора Черенкова. Гения с большой буквы, так до конца и не понятого. По чисто футбольным качествам Черенков — это даже не Стрельцов. Это Пеле».

Можно сколько угодно твердить, что тут уж покойный Владимир Никитович хватил лишку, что это гипербола. Но нам в данном случае совершенно безразлично мнение «объективистов». Потому что, как выразился по другому поводу Олег Табаков, любовь не терпит объективности. Может, мы никогда не полюбили бы футбол так, как его любим, если бы не Черенков. И тем более не стали бы сочинять что-то о футболе, если бы нам не захотелось найти слова, достойные описания игры Черенкова.

Мы не имеем права до конца жизни об этом забывать. А если сделаем это, то «объективность» наша будет приравнена к предательству. Предательству своего детства, юности, своей футбольной любви. А потому с удовольствием подпишемся под словами Олега Романцева, который в 2009 году на юбилейном вечере в честь четырех спартаковских чемпионств — 69, 79, 89-го и 99-го годов, пред-

ставляя три последние, *свои*, команды, воскликнул: «Федя для меня — самый великий игрок мира!»

Недаром слова «Черенков» и «чудеса» начинаются с одной буквы. Федор заставил целое взращенное им поколение болельщиков поверить в то, что футбол — это чудо и праздник. Что это не тяжкая, мрачная ноша мешков с насупленным лицом в конечный пункт «Результат», а живая, веселая игра — та самая, которая начиналась во дворе и которую ни за что нельзя предать, какая бы ставка ни стояла на кону. И ностальгия по его игре не пройдет у нас никогда, ее не заглушишь ни Лео Месси, ни Криштиану Роналду.

Его игра всегда была эталоном чистого, незамутненного восторга от футбола — не случайно пианист и спартаковский болельщик Денис Мацуев по легкости и вдохновению сравнил Черенкова с Фридериком Шопеном. А секрет его искусства крылся в том, что оно происходило из двора — о чем мы уважаемому читателю подробно расскажем. Беда нынешних игроков в том, что они в подавляющем большинстве инкубаторские — рано-рано их отправляют в школы, академии и интернаты, загоняют в рамки, убивают фантазию, учат профессионально, качественно, но... обезличенно.

Как написал одному из нас после смерти Федора болельщик Василий Балканов, Федя десятилетним (!) играл в Сетуни с ними, двадцатилетними. И «раздевал» их иногда по полной программе.

В школу «Спартака» Черенков пришел гораздо позже нынешних детей, в 12 лет. Там, слава богу, тренеры только поощряли его страсть к импровизации, лелеяли его «изюминку». Но она-то уже была! Потому что до того, по собственному признанию, он до ночи гонял мяч во дворе. «Мне очень нравилось именно возиться с мячом, — подчеркивал Федор. — Когда ребята уходили, я оставался один. Мне и одному с мячом было нескучно. Держал мяч стопой как можно дольше на весу. Чеканил, ставил задачу сделать это пятьсот раз подряд. Иногда уже стемнеет, а я все никак до нормы недоберу и домой из-за этого не иду».

Когда в 2014 году Черенкова не стало, а еще свежи в памяти были мрачные впечатления от игры сборной России на чемпионате мира того же года, вспоминался этот рассказ Федора. Рассказ, в котором мяч предстал, по сути, одушевленным предметом, с которым маленький Федя научился разговаривать на каком-то своем, только ему понятном языке. А сегодняшних детей скопом подгоняют под какое-то унифицированное, серое эсперанто.

Мяч был смыслом, главным наполнением его совсем не простой жизни.

«На преддипломной практике в Приэльбрусье общался с горными проходчиками и инженерами. Крепость духа, которую я у них почерпнул, помогала и помогает мне в самые тяжелые моменты», — вспоминал Черенков.

А тяжелых моментов у него ой как хватало. Собственно, вся его жизнь после того психологического срыва, который впервые случился с ним весной 1984 года, — испытание. Которое сам Черенков принимал стоически: «Если болезнь мне дана, то дана для чего-то. Ничего случайного не бывает. И я должен пережить ее — и никогда уже не отходить от заповедей Божьих. И всегда помнить, что добро облагораживает, а зло уничтожает».

Он всегда это помнил. Но болезнь — не пережил...

Один из выдающихся спартаковцев, обладатель Кубка Европы 1960 года Анатолий Крутиков, в разговоре с одним из нас вдруг вытащил откуда-то фотографию Черенкова: «Вот, смотри! Я всегда его любил, и не только за игру, но и за то, что у него проблемы со здоровьем были. Сколько человеку преодолеть пришлось!»

* * *

Вскоре после страшной вести одному из нас звонит друг и коллега. После обмена соболезнованиями говорит: «Есть история. Видел своими глазами. Позвонил тогда в редакцию — не поверили, отмахнулись. Но чем угодно клянусь — правда».

Это было на знаменитом матче Лиги чемпионов «Спартак» — «Арсенал» в 2000 году. Безразличный к футболу охранник в «Лужниках» не пускал Федю — Федю! — на игру. Твердил: «Где билет?» А билета не было. Легенда уже разворачивалась, чтобы уйти. Он никогда не лез в форточку, если не пускали через дверь.

И тут это приметили болельщики. Едва не затоптали охранника. Подхватили Черенкова на руки. И буквально внесли на трибуну.

Быль это или плод фантазии — теперь уже не суть. Раз хотим верить — значит, быль. Вы ведь уже поняли, что к неповторимой личности Черенкова притягивались полулегенды, где правду от мифа с трудом отличишь. Но главное в них — не документальная достоверность, а истина.

Впрочем, наша задача как авторов книги для серии «ЖЗЛ», правила в которой чрезвычайно строги и щепетильны, — оперировать только фактами, а не мифами. Мы сделаем для этого всё возможное. Хотя, если честно, про Федора иной раз хочется поверить и в сказку...

4 октября 2014 года, когда боль еще была невыносима, ее надо было разделить с единомышленниками. Стоило только клич бросить — расскажите о *вашем* Черенкове — истории посыпались десятками.

Вот пишет Сергей Борисов, пресс-офицер УЕФА. Во время Евро-2008 сборная России под руководством Гуса Хиддинка тренировалась в австрийском Леоганге на местном стадиончике, когда Сергей и его коллега услышали приглушенный смущенный голос. Обернулись — Черенков! Тихо-тихо, чуть ли не с готовностью к отказу, мастер спросил, можно ли ему пройти туда, к полю. Просто побыть рядом со скамейкой, с футболистами. Подышать этим таким родным воздухом.

У них замерло дыхание — сам Черенков смиренно просит разрешения подойти поближе к игрокам! В этом — весь Федор...

А вот на призыв реагирует журналист Михаил Евсеев. Пятью-шестью годами ранее Черенков пришел на турнир среди незрячих детей. Михаил подошел к нему за комментарием и вначале заметил: как здорово, что вы находите время посещать и такие турниры. Это так важно для них, этих детей! Федор застеснялся: вот и интервью надо брать у них, настоящих героев. А я кто? Бывший футболист...

Болельщик Максим Большов рассказывает, как на матче спартаковского дубля году в 2010—2011-м Черенков стоял вместе со всеми на стадионе имени Нетто в очереди в буфет. Его, конечно, все узнавали, пытались пропустить вперед. А он не соглашался. Так и отстоял всю очередь до конца.

Еще один болельщик, Еркин Байдаров из Узбекистана, вспоминает, как в начале 80-х «Спартак» приехал в Ташкент — и они, мальчишки, кинулись в гостиницу за автографами. Одна из сотрудниц узнала, что Федор в номере, и повела ватагу пацанов туда — вот времена были! Постучали, услышали голос Черенкова: «Дверь открыта, входите». Входят — и видят Федю, едва вышедшего из душа и завернутого по пояс в полотенце. Улыбнулся, все подписал, поболтал с ребятами, не выказал и капли недовольства — с какой это стати они к нему в номер нагрянули. И для них поведение Черенкова стало уроком на всю жизнь.

Журналист Александр Лидогостер рассказывает, как когда-то задумал снять о Черенкове фильм к его 40-летию. Тот долго отнекивался: «Да кто я такой? Я же ничего не выиграл. Вот если бы был чемпионом мира...»

Насилу уговорили. В один из съемочных дней сидели у Федора на кухне. Журналист напомнил ему эпизод из отборочного матча Евро-1984 СССР — Португалия. Черенков, стоя перед полукругом штрафной, получил сильный пас справа. Перед ним самоуверенно возвышались две каланчи — португальские центральные защитники. Черенков принял мяч на «шведку» правой ноги — да так, что этим же касанием по дуге перебросил мяч через защитников. А сам тут же прошмыгнул в зазор между ними. Пока они разворачивались, Федя принял отданный самому себе пас — и, не опуская мяча на землю, грохнул что есть силы... в перекладину. Был бы гол — его крутили бы годами.

Услышав это, Черенков вскочил со стула. Его глаза загорелись, и он начал изображать, как именно он это делал. Это была удивительная память тела. Прошедшая сквозь годы.

Денег на фильм, кстати, в итоге не хватило. Пятиминутный ролик вышел на ТВ — и только. Обычная для нашей неблагодарной страны история. На мишуру и фальшь денег почему-то хватает всегда...

В Мадриде, узнав о смерти Альфредо ди Стефано, объявляют национальный траур и снимают с телеэфира все развлекательные программы.

А у нас умирает Черенков, включаешь телевизор — а оттуда кривляется Боря Моисеев.

* * *

...Голос у Георгия Ярцева дрогнул, а в зале установилась тишина, от которой можно было оглохнуть. Казалось, на мгновение даже перестал раскачиваться по волнам Москвы-реки плавучий ресторан, где проходил вечер первой годовщины памяти Черенкова. Каждый вспоминал человека, истории с которым у всех связаны разные, а суть — одна.

«Иногда мы, ветераны, с умышленным опозданием отдавали Феде полагавшиеся ему премиальные, — рассказывал Ярцев. — Потому что если он их получал сразу после выездной победы, то выходил из поезда и на вокзале раздавал все деньги бедным людям. Как выяснилось, такое случалось не раз».

Проняло и от рассказа Олега Романцева. Перед возвращением из ФРГ он на правах капитана «Спартака» спрашивал у игроков, какие сувениры они купили домой на те копеечные суточные, которые нашим футболистам тогда выдавали за границей.

А сам Романцев играл в том турне с травмой. «Ты что-нибудь купил домой, Федя?» — спросил он Черенкова. «Купил». — «Что?» — «Две повязки для тебя, Олег. Я же вижу, как тебе больно...»

А теперь больно всем нам. Оттого, что так хрупок оказался наш кумир, оттого, что не уберегли его и жизнь отмерила народному футболисту всего 55.

И теперь оставалось только ловить на лету воспоминания. Вот оперный певец Николай Семенов, солист Большого театра и добрый знакомый Черенкова, анонсирует со сцены любимую, по его словам, песню футболиста — «Белые крылья» Валерия Ободзинского, а затем волшебно ее исполняет. Но Вагизу Хидиятуллину есть что возразить — не громко, а так, чтобы слышал только стол, за которым вместе с бывшими партнерами Черенкова был один из нас: «Любимой песней Федора был “Плот” Юрия Лозы». И Ринат Дасаев подтверждает: «Да, у них с Радиком (Сергеем Родионовым. — *В. Г., И. Р.*) более любимой, чем “Плот”, не было...»

Тот день подарил одному из нас знакомство с родными для Федора людьми — его младшим братом, зубным техником Виталием, и дочкой Анастасией. И черты лица, и мягкие интонации речи брата — точь-в-точь Федины. А Настя — такая же солнечная, добрая, щедрая и застенчивая, как отец. Нужно было видеть, как она волновалась, когда на той годовщине подходила к микрофону говорить слова благодарности за память о папе.

Огромная им благодарность, что вместе с мамой Насти, первой женой Черенкова Ольгой три часа делились с нами бесценными воспоминаниями о нем специально для этой книги. Много часов уделили нам и вторая жена Федора Ирина Федосеева, и Сергей Родионов, и Сергей Шавло, и одноклассник Федора Александр Беляев, и Александр Беленков, с которым они много лет вместе занимались в спартаковской школе у олимпийского чемпиона Анатолия Масленкина, и однокурсник Черенкова по Горному институту Алексей Абрамов, и известный спартаковский болельщик Альберт Ермаков, и старый фотограф Федор Кисляков, получивший с плеч своего тезки куртку, и многие, многие другие.

Каждый из них знает и рассказывает о Черенкове много такого, что неведомо больше никому. И наш долг — разузнать и рассказать читателю как можно больше. Ведь это счастье — писать о любимом нами человеке, который жил не в далеком прошлом, а только что. И есть — и еще долго будет — много родных и близких людей, которые готовы делиться историями о нем. Каждая из которых — бесценна.

Но тут есть и опасная этическая грань, которую, по нашему убеждению, нельзя перейти. Эта грань связана с непростыми деталями его болезни, личной жизни, последних лет на белом свете.

Мы и при общении с нашими собеседниками, каким бы долгим и искренним оно ни было, чувствовали: каждый из них определенных вещей недоговаривает. И в такие минуты мы не давили, не использовали знакомые нам журналистские и психологические приемы, чтобы «расколоть» людей, искренне любящих Федора.

Потому что любим его и мы.

И нам, безусловно желающим узнать истину обо всем, что происходило в его жизни, меньше всего хочется педалировать шокирующие ее моменты. Тема Черенкова — это вам не Кокорин с Мамаевым. Она не терпит желтизны, грязи, суеты.

Румяных сказок, как выразился бы Довлатов, впрочем, не терпит тоже. А терпит — правду и реальность, замешенные, однако, на любви и уважении. Вот этот баланс мы и постараемся соблюсти, сделав попытку рассказать болельщику о синусоиде черенковской судьбы много такого, чего он не знал. И устами самых близких его людей, и погрузившись в океан газетных архивов и черно-белых (в основном) видеозаписей.

«Не хочу быть злым. Хочу быть добрым, — со своей неповторимой, трогательной наивностью говорил Черенков за десять лет до своего ухода. — Может, поэтому и не стал тренером. Тренеру нужно иногда обязательно повышать голос и что-то требовать от футболистов». Да, тренировать ему на протяжении длительного времени было не суждено, но как же хорошо и правильно, что по просьбе ветеранов «Спартака» в его честь была прижизненно названа футбольная академия красно-белых.

Детишкам, которые в ней учатся, наверняка интересно — каким он был, этот человек с грустными глазами и отчего-то виноватой, совсем не ослепительной и не победоносной улыбкой. Их, этих взгляда и улыбки, так не хва-

тает памятнику Федору у спартаковского стадиона, наспех слепленному модным, но совершенно равнодушным и подчеркнуто не хотевшим ничего о нем знать скульптором...

Может, в отличие от него, детям из спартаковской академии — по крайней мере старшим — будет полезно прочитать эту книгу. Книгу о человеке, которого в будний зябкий день пришли провожать в последнюю дорогу 15 тысяч человек, и далеко не только в спартаковских шарфах. Глядя на это разноцветье, ты понимал, насколько точное это все-таки определение — «народный футболист».

Каждый год 4 октября лучший друг Черенкова Сергей Родионов, еще недавно генеральный, а ныне спортивный директор «Спартака», приводит детей из академии на Троекуровское кладбище. Они кладут к могиле Федора Федоровича (для них-то он точно — по имени-отчеству) цветы и слушают рассказы о Черенкове.

Иной раз — не только от Родионова, но и от находящихся в этот момент у могилы старых спартаковских болельщиков. Как на наших глазах это происходило в день памяти Федора в 2018 году. И такой пыл, такое обожание слышались в речи одного из них, Альберта Ермакова, что у мальчишек загорались глаза от любопытства. Это каким же человеком надо было быть, чтобы после его смерти о нем рассказывали с таким огнем и такой любовью?

Феде и без сборной хорошо.
Ну а сборной — не всегда без Феди!

Вновь вспоминаем эти шаферановские строки — и накатывает грусть. Потому что, по правде говоря, Феде в этой жизни было далеко не так хорошо, как он того заслужил.

Если *другая* жизнь все-таки существует — в ней Черенков наверняка обрел тот душевный покой, которого ему роковым образом так не хватало здесь.

А нам остается помнить. И нести эту память сквозь годы так, как мы, люди пишущие, только и можем, и обязаны — добрыми и правдивыми строками о нем.

О народном футболисте Федоре Черенкове.

Глава 1

ДЕТСТВО В ДРУГОЙ МОСКВЕ

Федор Черенков родился 25 июля 1959 года в Москве. А не в городе Ефремове Тульской области, как гласит легенда. В Ефремове жила его тетя, сестра мамы, девичья фамилия которой — Венедиктова. И Федя каждое лето отправлялся к ней во время школьных каникул. Потом, когда повзрослел, он с удовольствием приезжал на футбольный турнир, который организовывали в его честь.

По отцу Черенковы — тамбовские. Крестный Федора, опять же родной дядя, но по папиной линии, жил еще в 70-х в деревне неподалеку от тогдашней московской окраины Кунцево, и к нему Федор с младшим братом Виталием мог спокойно прийти в гости. Там и поле имелось картофельное, и пруд. «Дядька жил прямо на берегу этого пруда, — вспоминает Виталий. — И у него были такие садки».

Садки — это небольшие прочные сети. Туда дядя Вася набирал соленых баранок, которые оставались от вкусивших пива земляков (к началу 70-х хмельных «стекляшек» и впрямь хватало), после чего и опускал коварную наживку в родной водоем. «Вечером, — продолжает Виталий, — этот садок поднимал и карасей, которые туда набивались, пересыпал в колодец старый. И опять баранки насыпал и бросал. Мы ходили с отцом и Федором к дяде Васе. Если, допустим, его нет, опускаем ведро в колодец, поднимаем. Было строго полведра карасей... И шли домой. Историческая зарисовка такая. Я школьник, жили мы уже на Вяземской».

Таким образом, Черенков — москвич из Кунцева. Район своеобразный. Не центр с его теснотой и загазованностью. И не так называемые новостройки 70-х, где, к сожалению, всё одинаково.

Мы в Кунцево съездили. Одноклассник Федора Федоровича, кандидат в мастера спорта по легкой атлетике Александр Беляев объяснил, что так называемый 95-й квартал был окружен разнообразными советскими рабочими структурами. И фабрика, что иголки выпускала, и завод ВИЛС (занимался силовыми трансформаторами и многим другим), и кожевенное предприятие принуждали жить так, как отцы и деды жили. Особенно в последние полвека.

Вот же — работа у тебя есть. И иди, трудись на один из заводов. Или, например, на фабрику. Чем плохо? Хороший работник везде ценен и нужен. Например, отец, Федор Егорович, был фрезеровщиком как раз на ВИЛСе, а мама, Александра Максимовна, трудилась на кожевенной фабрике. Хотя эта много повидавшая и чудом выжившая в 41-м (фашисты, уходя, хотели уничтожить всех, но часть детей укрылась под обрывом, во впадине: туда пули не дошли) женщина затем и в местном ЖЭК № 15 подрабатывала обычной уборщицей.

Нам видится, что Черенкову Федору помогли не только люди, его окружавшие, но и замечательное Кунцево. Ибо и до сих пор — это райский уголок столицы. Вы можете себе представить посреди Москвы десятки яблок, лежащих на дорожке школы? А школу, где учился Федор, окружает парк. Чуть ниже — длиннющий пруд, где всё еще плавают деловитые утки.

Мы спросили Александра Беляева, как там было в советские времена с человеческим купанием. Достойный, безусловно, ответ получили: табличка о запрете висела. Но купались все! Младший брат замечательного футболиста Виталий подтвердил: «Купались. В салочки играли. А еще Федор меня приучил к рыбалке. Помню, в тот период не было у нас рыбы бычок. Зато были карась и щука. Благородная рыба была в том пруду!»

Нам-то всё одно: что бычок, что карась, что карп, что та же щука в консервах. А те ребята еще в начале 70-х отличали, ловили эту самую рыбу и учили молодежь. При этом фото скромно и с достоинством рыбачащего Яшина найти можно и сегодня. Но чтобы Черенков сидел с удочкой?! Однако и здесь мы от истины не отступаем. «Но иногда мы спускались вниз, — продолжал Виталий, — и я помню, как ребята жгли костры, делали лунки и рукой вытаскивали щук. Одну, помню, вытащили, и я думаю: “Какая здоровая!” Парень довольный прикладывал: “Смотри, в ногу размер!”».

А уже потом объявились те самые бычки, с которыми благородной рыбе никак не сойтись. Благородные в этой борьбе и вымерли — так часто и не только с рыбой бывает. Да и пруд тиной подзатянулся.

Возвращаясь в то незамутненное Кунцево начала 70-х, мы должны сообщить: Черенков мог стать и музыкантом. По крайней мере, он играл в школьном ансамбле. На ударных — коробках каких-то, барабане пионерском, тарелочках. Маленького Виталика прогоняли, чтобы не мешал (а он все одно лез: тоже ведь Черенков!). Девчонок, естественно, также не пускали. Потому что для кого тогда музыка, как не для них? И зачем им, женщинам, слушать некое «сырье»? Когда не готово, не отрепетировано, не выстрадано. Вот будет 8 Марта или там Новый год — тогда и услышишь.

«Под кого» играли эти мальчишки середины 70-х, в общем, понятно. Слава богу, что вообще играли! Далеко не во всех школах позволялись такие вот ансамбли. Тут же явно английское влияние. «Битлы» там всякие волосатые... Как-то быстро забыли, что «ливерпульскую четверку» в нашем государстве не сразу приняли и полюбили. Разные были, признаемся, оценки. Вплоть до середины 80-х.

Черенков и стихи писал. Правда, редко. А вот пел и по ударным стучал — точно для нее. Для Оли.

Они же одноклассники. И соседи. Так сказать, роман завязался незаметно. И компания у них общая была. В том смысле, что и еще одна юная пара наслаждалась кунцевскими веснами. Дело молодое.

Ольга Владимировна рассказывала нам, как они общались с Федей.

Дома-то напротив. И окна. Там свечечка — и здесь в ответ огонечек... Может, сбежимся? Правда, это уже перед свадьбой было.

Федор рос в особой атмосфере. Все всех знают: тогда же пятиэтажки были. Москва — большая деревня? Где-то и так. Даже маленькие огородики у них между домами существовали. А папа, Федор Егорович, мог заночевать в теплое время на улице, прямо под окнами. Почему нет, коли дождя не обещали? Одно время, когда на первом этаже жили, даже погреб имелся, где хранилась капуста. Которую затем мама с отцом переносили в ванную и безжалостно рубили вдвоем острыми ножами. Чтобы потом мастерски засолить.

А еще Виталий вспоминал: «У нас все свитера, зимние носки и варежки были связаны мамой. У нее была даже

прялка (деревянная, ножная), и мы с братом помогали ей прясть нить». Есть фотография, где Федя с братиком в совершенно одинаковых свитерах сидят. И это тоже во многом по-деревенски или по-старомосковски: стоит рассчитывать на собственные ресурсы. Потому что и об экономии думалось. Сколько хорошие покупные вещи-то стоили?

С другой стороны, пятиэтажка с вроде бы отдельной квартирой — чистая формальность. Так как в другой комнате жила соседка. Соответственно, кухня общая, с двумя столиками. Но Черенковы-то обитали на своей жилплощади впятером: папа, мама, Федя с Виталиком и бабушка на раскладушке. Да так у многих было.

Федор Егорович соорудил на дверь щеколду. Которая тем не менее, по воспоминаниям домочадцев, не работала. Думается, не очень-то и хотелось от соседей запираться. Это ведь не нынешнее время видеодомофонов, дополнительных железных дверей и... всеобщей закрытости и недоверия друг к другу.

Об отце Федора нужно сказать особо. Его вспоминают как человека строгого, даже сурового. Александр Беляев упоминал о его зычном голосе, которым он вещал сыновьям нечто весомое. Хотя особых претензий предъявить им не мог — ввиду отсутствия оснований. Так сказать, жесткость «про запас», на всякий случай.

Отец семейства был страстным болельщиком. И «Спартака», и сборной СССР. А телетрансляции шли поздно. И вот, рассказывал нам Виталий Черенков, папа смотрел телевизор стоя — боялся заснуть. И хотя завтра рабочий день, досматривал.

В 2010 году Федор Федорович рассказывал одному из нас для книги «Спартаковские исповеди»:

«Я начал болеть за “Спартак” с шести лет, когда отец, спартаковский болельщик, сводил меня на матч с киевским “Динамо”. Помню, что “Спартак” проиграл — 0:2. Но был полный стадион, и зрелище для меня, мальчишки, неповторимое. Голы забили как раз в те ворота, за которыми сидели мы. Конечно, расстроились. Но я получил от игры столько эмоций, что начал постоянно ходить на матчи с отцом. Моими кумирами стали спартаковцы 60-х — 70-х — Кавазашвили, Логофет, Киселев, Папаев, Калинов, Хусаинов, Ловчев, Осянин, Абрамов, Силагадзе...»

Этот матч, несложно выяснить, состоялся 28 августа 1965 года в «Лужниках». Блестящая команда Виктора Маслова переиграла красно-белых благодаря голам Базилевича

и Серебряникова. А из вышеперечисленных кумиров весь матч отыграл один «железный» Галимзян Хусаинов. Однако маленький шестилетний Федя навсегда после того поражения полюбил московский «Спартак». Как тут не оценить родительское влияние?!

Зимой ребята играли в хоккей. Для чего, нетрудно понять, были необходимы клюшки. По идее, данный инвентарь покупали в магазине. Однако все это «хозяйство» надо и до ума довести. Виталий Черенков вспоминал о тех клюшках: «Они их в бидоне кипятили, потом на горячей батарее загибали, обматывали стеклотканью и эпоксидкой. Смотрели, как загнуть. Целая история. Всей тусовкой, из квартиры в квартиру ходили. Родители спрашивали: “Чем занимаешься?” Отец мог и помочь».

Главное Виталий Федорович правильно сформулировал: «Всей тусовкой ходили!» А первая жена Федора, Ольга Владимировна, добавила: «Все были родные вокруг. Сейчас такого нет. Другая Москва. Люди другие».

Известно, что Федор Егорович с удовольствием наблюдал за игрой старшего сына. Который на тот момент еще не достиг сияющих вершин, однако в Кунцеве уже завоевал известность. Одноклассник Федора Александр Беляев показывал нам место отца, с которого тот смотрел на стадионе за действиями талантливого наследника, — и все его зычный голос узнавали.

Вот мы незаметно и к стадиону перешли. А что ж, к 1968 году это был фактически стадион при школе. С беговыми дорожками, ровным полем. Да, красным гаревым и без ворот, как подтвердил Беляев. Ну и что? Ворота ребятишки того или близких к тому поколений могли и из портфелей соорудить. Но вот приличной «поляны» в других школах чаще всего не было. Поэтому носились на асфальте и прямо под ногами взрослых.

В Кунцеве же соорудили, считай, арену. Там же неподалеку и лыжные нормативы зимой сдавали, хотя многие столичные школьники отправлялись для этого в Сокольники или Измайлово.

Но начать, по совести, нужно вообще с самой школы.

811-ю открыли как раз в 1968-м. А первые два года Федор отучился в школе № 239. «Почему нас перевели? — разъяснял Беляев. — Потому что построили новую школу, и наши дома по Вяземской улице (он жил в 22-м доме, я в 18-м) находились от старой школы на другой стороне. Чтобы не водить детей через дорогу, все те дома, которые

находились на четной стороне Вяземской улицы, отошли к 811-й школе».

Хрущевскую пятиэтажку № 22 по Вяземской снесли в 2009 году, поэтому установить мемориальную доску, где сообщалось бы, что здесь жил замечательный футболист и человек, невозможно. Что же касается школьного здания, то здесь есть позитив. Директор сравнительно недавно образованного территориального объединения Илья Ильич Морозов полностью согласился с такой инициативой (благодаря ему, кстати, мы и в аттестат зрелости Федора смогли заглянуть, и оценки его итоговые узнать). Процесс, что называется, пошел, и память Черенкова, судя по всему, и на входной двери в школу, и в самой школе будет увековечена.

Федору, похоже, повезло не только со школой, но и с учителями.

Физкультуру ему преподавала Елена Александровна Маркина. Вновь дадим слово Александру Беляеву: «Женщина была с большой душой. Большое ей человеческое спасибо. Она воспитала из нас настоящих, нормальных людей. Отдавала нам всю душу. Не только тем, кто преуспевал в ее нормативах, а всем. Нам посчастливилось быть с ней вместе».

О многих ли учителях физкультуры говорят подобное? Кстати, школьный стадион — во многом результат ее энтузиазма. А если бы стадиона этого не было — как знать, смог бы Федя отточить ту технику, которая потом годами будет ставить в тупик самых матерых соперников?..

У Елены Александровны не было своих детей; она и единственную свою собственность — квартиру — в итоге «отписала» ученику, который ей много лет помогал (не Черенкову, конечно). Причем одинокая учительница, занимаясь рутинной работой, каждодневно общаясь с теми, кто «по жизни» не любил бегать, прыгать, отжиматься, подтягиваться, а также вообще ударять пальцем о палец, — в то же время и «большое видела на расстоянии». То есть прекрасно понимала, с кем имеет дело, если рассуждать о настоящем даровании. Тот же Беляев стал кандидатом в мастера спорта исключительно благодаря преподавательнице физической культуры. Тогда же детские тренеры ходили по школам, искали, высматривали таланты. А паренька или девчонку, на что-то способных, мог порекомендовать лишь знающий физрук!

Было ли так с Федором? Не совсем.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru